

Паритет или необходимая достаточность?

Назначение Булганина главой правительства вызвало перемещения в военном ведомстве. Министром обороны, по настоянию отца, стал Жуков, но он не считал себя креатурой отца, как и чей-либо еще. Человек властный и самодостаточный, по праву считавший себя победителем непобедимого немецкого вермахта, с обретением министерского портфеля и последующим почти автоматическим избранием в высший политический ареопаг страны

– Президиум ЦК КПСС, Жуков превращался из победоносного военачальника в самостоятельного, но пока тяготевшего к отцу, политика. Тут сказывалось и давнее довоенное и военное знакомство и то, что за эти годы они ни разу не «подставляли» друг друга, и то, что именно отец вернул его в Москву, извлек из политического небытия, да и вообще они тогда симпатизировали друг другу.

Став министром, Жуков взялся наводить порядок. Военное ведомство, по его мнению, подраспустилось при мягком, интеллигентном маршале Алексее Михайловиче Василевском и уж окончательно потеряло боевую форму при абсолютно штатском маршале Булганине. Чистку новый министр начал с головы. По его мнению, высший генералитет, командующие военными округами, а это, в основном, бывшие командующие фронтами времен войны, не столько устарели, сколько состарились (напомню, что многим из них только перевалило за пятьдесят), с годами не войска, а собственное здоровье становилось их главной заботой.

Командующие, таскающие за собой целую аптеку, мне не нужны, заявил Жуков отцу вскоре после своего назначения, стариков пора сменить на тех, кто помоложе.

Отец поддержал Жукова, он тоже всю жизнь ратовал за выдвижение во власть молодых, у них и энергии больше, и мозги поживее. Но и на нынешних «стариков» рука у него не поднималась. Отставка для них, выстрадавших победу, как ни подслащивай пилюлю, – обида, оскорбление, моральная травма. Жуков смотрел на все проще: отслужил свое – и на выбраковку. Суровая логика жизни взяла верх над сантиментами, стариков отправили на покой, правда, своеобразный. При Генеральном штабе для них создали специальную группу генеральных инспекторов, тут же прозванную «райской». Формально все они остались на действительной службе, и более того, отец настоял на повышении в звании тех, кого еще было куда повышать. Жуков поморщился, такая «благотворительность» не соответствовала его характеру, но спорить не стал.

Вскоре Жуков представил новые кандидатуры на освободившиеся должности (он заблаговременно обсудил их с отцом) с одновременным присвоением очередных воинских званий. 11 марта 1955 года газеты опубликовали список новых, послевоенных маршалов Советского Союза. Ими стали старые знакомые не только Жукова (он знал всех мало-мальски заметных военных), но и отца: Иван Христофорович Баграмян, Андрей Антонович Гречко, Василий Иванович Чуйков, Кирилл Семенович Москаленко, Сергей Сергеевич Бирюзов. Замыкал список Андрей Иванович Еременко, на его кандидатуре, так же, как и на кандидатуре Чуйкова, особенно настаивал отец. Первый – командовал Сталинградским фронтом в самые тяжелые месяцы обороны города, а второй, вместе со своей 62-й армией, буквально вгрызся в сталинградскую землю, стоял насмерть не в переносном, а буквальном смысле слова.

Военные, в том числе и Жуков, относились и к Еременко, и к Чуйкову с прохладцей – за их безудержное, хотя и вполне заслуженное бахвальство, свойство, присущее многим военачальникам.

К тому же они, особенно Жуков, ревновали Еременко, ревновали к тому, что он выстоял под Сталинградом, не сдал город, когда уже никто, в том числе и Жуков, и Сталин, не верили в возможность его отстоять. Я еще вернусь к перипетиям отношений Еременко с Жуковым.

К Чуйкову у Жукова имелся особый счет. Генерал претендовал на его собственные лавры, утверждал, что это он и его 8-я Гвардейская армия взяли Берлин, к нему пришел сдаваться немецкий генерал Кребс. А Жуков?... Жуков просто командовал фронтом, к тому же не всегда удачно. Такие разбирательства между победителями не редки. Славу победы иной раз поделить очень непросто. Короче, Жуков ни Чуйкова, ни Еременко не любил, но аргументов против «маршальства» у него не нашлось.

В первые послесталинские годы обстановка в мире продолжала дышать войной. Сталин уверовал в ее неотвратимость еще в 1948 году. Все началось с блокады Западного Бер-

лина, куда Сталин перекрыл все пути подвоза, все, кроме воздушного. Он попробовал таким образом поиграть со своими недавними западными союзниками «на равных», решил заставить считаться с собой, сделал «заявку» на переход Советского Союза с уровня региональной державы на мировой. Для СССР, страны, победившей во Второй мировой войне, стремление добиться статуса мировой державы, сверхдержавы в современной терминологии, естественно и логично. А вот почему Сталин начал с блокады Западного Берлина, остается только гадать. Возможно, руководствуясь собственным, а вернее, собственного народа опытом 900-дневной блокады Ленинграда во время войны, он посчитал, что ни немцы, ни тем более изнеженные американцы, не выдержат осадной берлинской зимы, настрадавшись от холода и голода, уберутся оттуда подобру-поздорову. Сталин просчитался в Берлине так же, как Гитлер просчитался в Ленинграде. Вот только ленинградцы выстояли исключительно благодаря собственному мужеству, а берлинцам помогли американцы.

Сталин не допускал возможности организации снабжения по воздуху города, не уступавшему размерами Ленинграду. Как можно самолетами доставить все от продовольствия до угля? Ему такое оказалось не по силам, даже при наличии соединявшей Ленинград с «Большой землей» зимней трассы по льду Ладожского озера. И Гитлеру оказалось не по силам с помощью воздушного моста предотвратить капитуляцию 220-тысячной армии генерала Паулюса в Сталинграде. Сталин ошибся. Жизнеобеспечение Западного Берлина оказалось по плечу американцам с их колоссальным техническим потенциалом. У нас в войну, кроме Ли-2 – лицензионной копии старенького американского DC-3, транспортных самолетов практически не было. Немецкие «Юнкерсы-52» тоже не справились с поставленной задачей. Американцы же воздушные транспортники производили в избытке. И какие! Большие, вместительные, четырехмоторные. Блокада провалилась. Сталину пришлось отступить, разблокировать доступ союзников в Берлин, вернуться к подписанным им же самим, в июле 1945 года, Потсдамским соглашениям.

Поражение в «битве» за Западный Берлин Сталина напугало не на шутку. Американская авиация, особенно стратегическая, камня на камне не оставила от огромного немецкого промышленного потенциала, выжгла атомной бомбардировкой японские Хиросиму и Нагасаки, преимущество США склонило Сталина к мысли: американцы нападут на нас, и нападут очень скоро. По крайней мере, он сам при таких условиях напал бы не раздумывая. А раз так, надо срочно готовиться к войне, к третьей мировой. Весь остаток своей жизни Сталин посвятил подготовке к новой войне.

В 1948 году он остановил сокращение Вооруженных сил. К тому времени численность армии уменьшилась с приблизительно 10 миллионов человек в 1945 году до 2 миллионов 874 тысяч. Теперь снова наращивали призывные квоты, отменяли отсрочки, открывали новые военные училища и академии, переводили в них с последних курсов студентов гражданских вузов. Промышленные предприятия, только недавно освоившие выпуск мирной продукции, переводились на военные рельсы. Возобновилось массовое производство оружия и военной техники, как это обычно случается перед войной. Аналогичная команда ушла и к нашим новым союзникам, в Восточную Европу, в страны народной демократии. Так их тогда называли. Они немного поерепенились, но подчинились.

К 1953 году советские Вооруженные силы по сравнению с 1948 годом удвоились, под ружье встали 5 394 038 человек.

Одновременно Сталин приступил к созданию стратегической авиации. Ее у нас практически никогда не было. Командующий дальней (стратегической) авиацией маршал Александр Евгеньевич Голованов имелся, а авиации не было. Во время войны маршал располагался несколькими десятками четырехмоторных ТБ-7 (Пе-8).¹⁷ Германию они почти не

¹⁷ Всего за период 1938–1942 годов промышленность выпустила 93 таких самолета разных модификаций.

бомбили, в основном исполняли курьерские функции, время от времени доставляли в Лондон важных советских начальников.

Так, 2 июня 1942 года¹⁸ над Германией по пути следования в Англию пролетел Молотов. Подобные перелеты свидетельствовали о героизме и мастерстве летчиков, но воздушные силы стратегическими так и не стали. Вины Голованова тут нет. В предвоенные и военные годы Сталин в стратегическую авиацию не верил, не считал ее способной нанести врагу ощутимый ущерб, а потому не разрешал «транжирить» драгоценные ресурсы, в первую очередь алюминий и моторы. Особенно моторы. Один мотор – один истребитель или штурмовик, два мотора – это уже фронтовой бомбардировщик. Для бомбардировщика дальнего действия требовалось целых четыре мотора. Новые ТБ выпускали поштучно и под личным контролем Сталина, а в 1942 году их производство вообще прекратили.

Привычка экономить моторы сохранилась у Сталина и после войны. Она сыграла злую шутку с конструктором Сергеем Владимировичем Ильюшиным, предложившим в 1946 году Аэрофлоту современный четырехмоторный пассажирский лайнер. Сталину показали первый опытный образец. Осмотрев самолет, Сталин буркнул: «Куда им (видимо, пассажирам) четыре мотора и двух за глаза достаточно». Самолет «зарубили», Ильюшину приказали срочно спроектировать двухмоторный Ил-12.

Все переменялось после атомной бомбардировки Японии, стратегическая авиация получила наивысший приоритет. Однако своим конструкторам Сталин верил, но не очень доверял. Как в первые пятилетки мы копировали американские тракторы и грузовики, так и сейчас Сталин приказал скопировать американскую летающую крепость Б-29. Благо во время войны на Дальнем Востоке, отбомбившись над Японией, три таких поврежденных самолета приземлились на нашей территории, а Советский Союз тогда с Японией не воевал. Сталин распорядился их интернировать. Теперь Б-29 передали Туполеву. В «новом» самолете изменили только название с Б-29 на Ту-4.

Пока Туполев возился с Б-29, Сталин, боясь опоздать к началу войны, приказал вернуть массовое производство фронтового бомбардировщика Ил-28 с радиусом действия 1200 километров и начать строительство ледовых аэродромов в самом центре Северного Ледовитого океана. Иначе Ил-28 до Америки не долетал.

Приготовления к новой войне этим не ограничились. Движимый страхом перед американским десантом через Берингов пролив со стороны Аляски, Сталин отрядил на Чукотский полуостров сотысячную армию. Почему американцы решат высадиться на Чукотке, оттуда до единственной Транссибирской железнодорожной магистрали тысячи километров тундрой, тайгой, болотами, горами, и все без дорог, по сорокаградусному морозу зимой или по гнусу летом, Сталин не объяснял. Задавать ему вопросы генералы не решились, отправили солдат с палатками в вечную мерзлоту. Захотят жить – выживут.

Теперь, на второй год после смерти Сталина, пришла пора задуматься: двигаться ли прежним курсом или?... Отец после некоторых колебаний выбрал «или».

После июльской 1955 года встречи в Женеве и других контактов с западными лидерами, в первую очередь американцами, отец пришел к выводу: «Войны они, как и мы, не хотят, боятся ее, с ними можно иметь дело, но с позиций силы, чуть дашь слабинку, уступишь, хоть в малом, и тебя тут же сомнут, обдерут как липку. Можно договориться даже с Эйзенхауэром, считал отец, но надо выглядеть сильным, а если сил недостает, то все равно выглядеть, держать марку. Но договориться, предотвратить всеразрушающую третью мировую войну, по его мнению, – это полдела.

¹⁸ Черчилль пишет в мемуарах, что Молотов прилетел в Лондон 20 мая 1942 года. Я решил оставить обе даты, советскую и британскую.

Победит та общественная система, которая обеспечит лучшую жизнь людям, – не уставал повторять отец, не сомневаясь, что эта – система социалистическая. А потому нет никакого резона воевать ради лучшей жизни людей, населяющих чужие страны. Когда американцы убедятся, что жить при социализме выгоднее, они сами выберут себе соответствующего президента и добровольно присоединятся к нам. Звучит несколько наивно, но в своей основе правильно. Так и случилось, только в конце XX века не они присоединились к нам, а мы – к ним.

Одним из источников ресурсов, столь необходимых для улучшения жизни людей, отец видел, я бы сказал, не прямолинейное сокращение, а скорее – оптимизацию расходов на оборону. Другими словами, сосредоточение усилий на главном, решающем направлении. А вот что в оборонных делах главное, а что второстепенное, отцу еще предстояло разобраться. В послевоенные, сталинские времена он делами обороны не занимался, знал о них понаслышке из разговоров во время застолий у Сталина на ближней даче в Волынском. Теперь весь этот груз свалился на его плечи.

Отец начал с самообразования, с разговоров с учеными, конструкторами различных видов вооружений, генералами и маршалами. Общая картина постепенно начинала вырисовываться, но для принятия кардинальных решений требовалось время.

Пока же не вызывало сомнений одно – наши Вооруженные силы для страны, не собирающейся ввязаться в войну уже завтра, непомерно раздуты. Жуков разделял точку зрения отца. В отличие от многих других высших армейских чинов, он понимал, что в новых условиях живой силой победы не завоеешь, многомиллионная неповоротливая человеческая армада – удобная мишень для нападающей стороны.

Черeda сокращений, пока секретных, началась сразу после смерти Сталина. С марта 1953 по 1 января 1956 года, согласно документам, Вооруженные силы уменьшились примерно на один миллион сто тысяч человек. Одновременно приостановили, в связи с полной неясностью боевого использования, строительство заложенных в 1951 году трех тяжелых крейсеров типа «Сталинград».

12 августа 1955 года было принято и опубликовано в печати Постановление ЦК и СМ СССР об увольнении в запас, начиная с 1 января 1956 года, еще 640 тысяч человек. На публикации настоял отец. Страна сделала шаг от сталинской закрытости к нормальному обществу. Не следует переоценивать этот шаг, путь предстоял предлинный, но и недооценивать нельзя: первый шаг, «он трудный самый».

Сокращение Вооруженных сил, как и любая реформа, процесс непростой и болезненный: высвобождавшихся людей требовалось трудоустроить, переучить, переселить на новые места. С работой для увольняемых в запас офицеров проблем тогда не возникало, руки требовались везде. Везде, кроме канцелярий. Казалось бы, решили и вопрос жилья. Исполком спустил указание: демобилизованных благоустраивать в первую очередь. Правда, указание спустили, но от этого нового жилья не прибавилось, распахивали вновь прибывших, как могли, а могли в те времена совсем чуть-чуть.

Не все инициативы в реорганизации армии исходили от Хрущева. Жуков самостоятельно наводил порядок в своем ведомстве. Так, к примеру, он посчитал несправедливыми установленные Сталиным сверхвысокие пенсии выходящих в отставку полковников и генералов. Пенсии, особенно генеральские, в пять-шесть раз превышали пенсии гражданские. На них не просто доживали, а жили весьма зажиточно. Жуков предложил сократить разрыв, существенно срезать пенсии выходящим в отставку военнослужащим, в первую очередь генералам и полковникам. Другими словами, большинству отставников (лейтенантами на пенсию выходят редко). Отец поддержал Жукова. Сокращение пенсий прокатилось по армейским штабам глухим ропотом недовольства.

Как бы в порядке компенсации за урезанные пенсии Жуков в июне 1955 года предлагает восстановить доплаты за боевые награды. Еще с довоенных времен орденосносцам выплачивали небольшие ежемесячные «наградные», но тогда их получателей можно было пересчитать по пальцам, а после войны каждый второй носил ордена и медали. Сталин посчитал «наградные» слишком большим бременем для бюджета, и 10 сентября 1947 года их отменили, чем кровно обидели вчерашних фронтовиков. Да и рубли эти, пусть и мизерные, в мизерном семейном бюджете тоже не казались лишними. Теперь Жуков направлял в Президиум ЦК одну за другой записки о восстановлении выплат за награды. Он предлагал платить за Героя Советского Союза – от двадцати до восьмидесяти рублей в месяц, за орден Славы – пять, а за медаль по тройку. Казалось бы, совсем немного, но за год набегало до двухсот миллионов рублей. Министерство финансов возразило: денег в бюджете в обрез. Отец предложил отложить рассмотрение до лучших времен, когда страна станет побогаче. Вопрос отложили навсегда.

Одновременно с восстановлением наградных Жуков предложил установить единоеобразие выплат солдатам и сержантам срочной и сверхсрочной службы вне зависимости от рода войск. Существовавшую с 1953 года систему, согласно которой солдату-сухопутчику платили 30 дореформенных (1961) рублей, матросу на корабле до 150 рублей, а в авиации – целых 500 рублей, он считал несправедливой. По новой схеме всех солдат и матросов приравнивали к сухопутчикам. Отныне они получали 30–40 рублей. Унифицировались и выплаты сержантам со старшинами, тоже в основном в сторону сокращения, отменялись всевозможные надбавки. Жуковская реформа сэкономила казне 600 миллионов рублей в год. Упорядочение выплат особенно болезненно задело и сержантов-сверхсрочников. Их приравнивали к сержантам-срочникам, сняли с них надбавки за квалификацию, за выслугу. В результате, как однажды посетовал в моем присутствии маршал Иван Степанович Конев: «старослужащие из армии поуходили, и следом упала державшаяся на них дисциплина».

Еще одно нововведение. Отец «продавливал» сокращение сроков (с 1 января 1956 г.) службы: на флоте с пяти лет до четырех, а в авиации и некоторых других войсках – с четырех до трех лет, в пехоте с артиллерией, с трех лет до двух. В рабочих руках остро нуждались и промышленность, и сельское хозяйство. Генералы и адмиралы встали на дыбы. Современную технику и за три года еле-еле удастся освоить, сроки службы следует не сокращать, а продлевать. В ответ отец посоветовал ориентироваться на сверхсрочников, его поддержал Жуков. Официальные предложения Министерства обороны в начале августа 1955 года ушли в правительство. И тут со сверхсрочниками вышла заминка. Свое, отрезвляющее, слово сказало Министерство финансов: сверхсрочникам, в отличие от призывников, придется платить жалованье, а денег взять неоткуда. Отец уступил, сухопутные войска, наиболее многочисленные, пока не тронули, оставили служить три года. Отец не отступился, он решил действовать поэтапно. В 1956 году уменьшили продолжительность службы призывников в так называемых «особо тяжелых условиях», к ним причислялись районы Дальнего Востока, Крайнего Севера, а также склады и полигоны испытаний ядерного, химического и биологического оружия. Всего под новый Указ попали 286 тысяч сержантов и солдат.

Согласно бюрократическому этикету, все официальные бумаги: о сокращении армии, сроков службы, о наградных, об урезании Вооруженных сил, о военных пенсиях и о многом, многом другом, независимо от кого они исходили, подписывал министр обороны Жуков. В данном случае не только отдавалась дань форме, но и по существу Жуков был с отцом заодно.

Уже после Жукова, отец снова вернется к срокам действительной службы, сократит ее в сухопутных войсках и авиации до двух лет, на флоте – до трех.

Задумался отец и о судьбе советских военных баз на чужих территориях. Их у нас оставалось две: Порт-Артур в Китае и Порккала-Удд – клочок земли поблизости от столицы

Финляндии Хельсинки, запирающий вход в Финский залив. По мнению отца, эти базы в современных условиях утратили военное значение.

Он заехал в Порт-Артур во время официального визита в Китай осенью 1954 года. Бухта размером с озерцо, окруженная высокими сопками, со сгрудившимися в ней кораблями показалась ему не столько безопасным убежищем, сколько ловушкой для флота. В случае атомного удара в живых тут останутся единицы. К тому же, в царские времена, в 1898 году, расположенный на полуострове Ляодун Порт-Артур и проложенная к нему железная дорога предвещали аннексию Маньчжурии. Поражение в Русско-Японской войне положило конец этим планам. В 1945 году восстановили теперь уже советский контроль и над военно-морской базой, и над железной дорогой. Однако в новых международных реалиях, когда даже Сталин не смел мечтать о Маньчжурии, дорога вела в никуда, а Порт-Артур служил ничему. После образования в 1949 году Китайской Народной Республики советская военно-морская база на ее территории вообще стала анахронизмом. Отец предложил передать ее китайцам. Моряки противились, но вяло. Жуков их не поддержал. В 1955 году Порт-Артур передали, вернее, вернули китайцам, вернулось к нему и его настоящее имя Люйшунь.

Что же касается Порккала Удд, то установленная там дальнобойная артиллерия в сочетании с артиллерией, дислоцированной на советских островах в Финском заливе, надежно контролировала морские подходы к Ленинграду. Теперь же крылатые ракеты, запускавшиеся с нашей территории, с лихвой перекрывали узкий Финский залив. Военная база в Финляндии становилась бесполезной. Так считал отец, но моряки, в том числе главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Николай Герасимович Кузнецов, заняли диаметрально противоположную позицию. Отдавать без боя и эту свою базу они не собирались. В таких условиях поддержка Жукова оказалась очень кстати.

«Я спросил Жукова, – вспоминал отец (разговор состоялся летом 1955 года), – слушай, Георгий, – у нас были дружеские отношения, – ты скажи, наша база в Финляндии представляет какую-то ценность?»

Он сдвинул брови, сурово посмотрел на меня.

– Знаешь, правду говоря, никакой, – он даже развел руками.

Я и сам это понимал, но мне хотелось получить подтверждение из уст военного, особенно от Жукова. Я себя проверял, не хотел кривотолков, что вот, мол, при Сталине мы эту базу построили, а Сталин умер, и мы базу ликвидировали.

– Я согласен с тобой, – ответил я Жукову, – не следует ли эту базу закрыть? Политически это было бы для нас очень выгодно, а экономически тем более.

Тогда наш посол в Финляндии докладывал, что эта база буквально наваливалась на Хельсинки. Когда поезд из Хельсинки проходил по ее территории, то в вагонах окна закрывали шторами, выключали свет, предупреждали, чтобы никто не выходил из своих купе, в окна не выглядывали. Естественно, это вызывало страшное раздражение и негодование у финнов.

Как мы можем призывать американцев вывести свои войска с других территорий, если наша база расположена в Финляндии? Она выполняет ту же роль, что и американские базы, к примеру, в Турции и в других странах. Мне хотелось развязать руки нашей политике. Я считал, что не лучший способ завоевания доверия финского народа – держать у них под горлом ножик в виде военной базы.

– Ты напиши свои соображения, – сказал я тогда Жукову (я хотел, чтобы инициатива исходила от военных), – а я поставлю вопрос на Президиуме Центрального Комитета.

Так и сделали».

Ликвидируя военные базы, сокращая личный состав Вооруженных сил, отец постепенно разворачивал страну от подготовки к войне к тому, что вскоре получит название «мирного сосуществования», от войны к миру.

Хотя сокращение сроков службы и ликвидацию баз и даже уменьшение размеров Вооруженных сил никак нельзя назвать косметическими изменениями, но самой концепции обеспечения безопасности страны они не затрагивали. Она пока сохранялась «сталинской», базирующейся на критериях «доядерной» эры. Без ее адаптации к новым условиям военные расходы, ложившиеся серьезным бременем на бюджет страны, все больше становилось данью прошлому, а не ответом на вызовы будущего. Покуситься же на оборонную доктрину означало серьезный конфликт с генералитетом, людьми, заслужившими свои отличия в недавней войне, усвоившими ее уроки и не желавшими, а часто и не способными перестроиться. Отец понимал, что столкновения не избежать, как понимал и то, что они профессионалы, по крайней мере, считают себя таковыми, а он – новичок, к тому же штатский. Реформирование Вооруженных сил не шло ни в какое сравнение ни с целиной, ни с жилищным строительством, ни по масштабам, ни по опасностям, грозившим самому реформатору, но и оставить все по-старому, как хотелось бы генералам, отец не мог. Ведь он отвечал теперь за все. Час первых испытаний настал, когда в апреле 1955 года на заседание Президиума ЦК вынесли проект рассчитанной на 1955–1965 годы второй очереди программы военного кораблестроения. Моряки и судостроители просили ассигновать на нее сто тридцать миллиардов рублей. Деньги по тем временам запредельные. Отец, при его бережливости, не мог позволить потратить такую сумму, не разобравшись досконально, что же в результате получит народ. Флотом он раньше не занимался, дело усугублялось еще и тем, что все визы на проекте постановления имелись, программу уже более года обкатывали в Министерстве обороны, кроме главнокомандующего Военно-морским флотом адмирала Кузнецова, ее подписали и Начальник Генштаба маршал Соколовский и бывший министр обороны, а ныне Председатель Правительства Булганин. Более того, часть кораблей, вошедших в первую очередь (1945–1955 годов) программы, подписанную еще Сталиным сразу после войны, уже строились. Казалось бы, что тут мудрствовать? Утвердить, тем более Кузнецов, наш «военно-морской» Жуков», все убедительно доложил. Убедительно для большинства присутствовавших, но не для отца.¹⁹

Он решил вникнуть, что дадут обороне страны эти дорогостоящие авианосцы и крейсера? Мы – сухопутная держава, не собираемся ни на кого нападать, а тем более завоевывать заокеанские колонии. Соперничать в океанах с США при экономике, едва достигающей трети от американской, нам тоже не под силу.²⁰ За десять лет, к 1965 году, они, если захотят, понастроят кораблей в три раза больше, чем мы. В результате мы, при всем нашем перенапряжении сил, окажемся еще дальше от паритета с США, чем сейчас. А эти деньги можно с пользой потратить на сельское хозяйство, строительство жилых домов и еще много на что.

Отец начал расспрашивать Кузнецова. Его вопросы адмиралу не понравились, они заспорили. Жуков поддержал отца. Он, недавний главнокомандующий сухопутных войск и заместитель Булганина, к подготовке кораблестроительной программы отношения не имел и ее не подписывал.

После продолжительных препирательств рассмотрение программы отложили, вернули морякам на доработку. Вновь к кораблестроительной программе вернулись осенью, в октябре 1955 года. Собрались не в Москве, а в Севастополе, главной военной базе Черноморского флота. Вновь последовал бурный обмен мнениями. Кроме отца и Жукова выступили Булганин, Кириченко, Микоян и Ворошилов. Флотскую сторону представляли адмиралы

¹⁹ Подробнее об этой и других связанных с оборонными делами историях можно прочитать в моей книге «Рождение сверхдержавы. Вторая книга об отце».

²⁰ Из-за различий советской и американской экономики такие сравнения очень приблизительны, и их результаты порой расходятся. К примеру, по оценкам ЦРУ, в 1987 году ВВП СССР составлял 55 процентов от американского, экономист Игорь Бирман называет цифру 20 – 25 процентов, другой экономист Виктор Белкин в книге «Тернистый путь экономиста. Воспоминания о прожитом и размышления о грядущем» приводит сразу две цифры: 14 и 28 процентов.

Кузнецов, его заместитель Сергей Георгиевич Горшков, командующий Черноморским флотом Виктор Александрович Пархоменко, член Военного совета флота Николай Михайлович Кулаков и еще множество других адмиралов и старших офицеров рангом пониже. На этом заседании Кузнецов отстаивал свою позицию до последнего, но сражался он в одиночку, его недавние соратники-адмиралы один за другим покидали своего тонущего флагмана. (Существуют свидетельства, что адмирал Кузнецов в Севастополе не присутствовал, лечился в Кисловодске, однако в официальных документах фамилия Кузнецова значится как участника этого заключительного совещания. Приехать в Севастополь из Кисловодска на пару дней труда не составляло и, по всем канонам, такое мероприятие он не мог пропустить.)

В результате обсуждения кораблестроительную программу отвергли, решили океанский надводный флот не строить, ограничиться малым: торпедными и, если получится, ракетными подводными лодками и кораблями береговой обороны.

Вечером 14 октября 1955 года, когда деловая часть закончилась, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов в ознаменование 100-летия героической обороны Севастополя от англо-франко-турецких (в войне 1854–1855 годов) захватчиков вручил городу орден Боевого Красного Знамени. Но настроения моряков награда не улучшила. Подавляющее большинство восприняло решение руководства страны как свое поражение, удар по флоту. Так думало и меньшинство, сохранившее верность адмиралу Кузнецову, и большинство, перешедшее на сторону отца. Самому отцу далось это все тоже очень нелегко. Шутка ли: порезать флот. Но интересы страны требовали от него непреклонности, бюджет страны не резиновый, ресурсы ограничены, необходимо выбирать. Либо крейсера, либо «купцы». Торговый флот до того у нас отсутствовал почти полностью. И то, и другое страна себе позволить не могла. Сталин выбрал крейсера, отец – рефрижераторы и рыболовецкие траулеры. На высвободившихся стапелях закладывали торговые суда. Теперь им предстояло осваивать далекие моря. Через пятьдесят лет решение отца назвали бы конверсией, а тогда не называли никак. Так уж повелось в мире, пушки вместо масла или масло вместо пушек. Третьего не дано. Отец твердо стоял за масло.

Лично к Кузнецову отец относился с заслуженным уважением, но они расходились в оценке будущего советского Военно-морского флота, его роли в обеспечении безопасности страны, а соответственно, и в отводимой ему доли государственных ресурсов. Главком ВМФ Кузнецов старался урвать для своего ведомства побольше, на то он и главком. Отец, отвечавший за всю страну, умеривал его аппетиты.

Другое дело Жуков. Как министр обороны он поддерживал отца, но в его отношении к Кузнецову было и много личного. Он откровенно не любил Кузнецова и не скрывал этого. Кузнецов, в свою очередь, не любил Жукова, и тоже в открытую.

Кузнецов не боялся гнева Сталина и не собирался пасовать перед Жуковым. Взаимная неприязнь стала притчей во языцех на флоте. Свое неприятие Кузнецова Жуков переносил на весь Военно-морской флот. Как только он занял министерское кресло, флотских офицеров лишили их традиционных привилегий! С петровских времен они получали большее жалованье, чем пехотинцы, но ведь и служба в море, а особенно под водой, не чета армейской. Жуков же распорядился иначе: флот уравнили с армией, «сухопутных» офицеров с морскими, старшин и мичманов с армейскими сержантами. Флот взроптал: и денежных надбавок жалко, но еще большее «нововведение» ударило по престижу флотской службы. Жуков отреагировал своеобразно: «Я вас всех в сапоги переобую». Большого оскорбления для морского офицера и не придумать.

Корни взаимной неприязни двух прославленных военачальников уходят в начало войны, в июнь 1941 года, когда Жуков, тогда молодой генерал армии, возглавлял Генеральный штаб, а еще более молодой адмирал Кузнецов командовал Военно-морским флотом. То, что вот-вот разразится война, в середине июня 1941 года ощущали все, и военные, и

гражданские. Отец в те дни оказался в Москве. Вот как он описывает атмосферу в Кремле: «Перед самой Отечественной войной, за три-четыре дня до ее начала, я находился в Москве и буквально томился там. Сталин же все время предлагал мне: “Останьтесь еще”».

Я видел, что Сталин меня не отпускает, потому что боится одиночества, хочет, чтобы вокруг него было как можно больше людей. Наконец в пятницу 20 июня я обратился к нему:

– Товарищ Сталин, мне надо ехать. Война вот-вот начнется и может застать меня в Москве или в пути. (Я обращаю внимание “в пути”, а ехать-то из Москвы до Киева менее суток. – С. Х.)

Он говорит:

– Да, да, верно. Езжайте».

Если уж отец, человек в военные секреты не очень посвященный, не сомневался, что война у порога, то штабисты знали наверняка. К ним стекалась вся разведывательная информация. То, что Сталин тогда ничего не желал предпринимать, проблема психологическая, и даже психиатрическая, объясняющая, но вряд ли извиняющая бездействие генералитета. Несомненно, недавние судебные процессы и расстрелы военачальников, повальные аресты парализовали волю сталинских подчиненных, они знали, что на Лубянке расстреливают генералов и за меньшие грехи, чем неповиновение «хозяину».

Страх парализовал волю большинства, но не всех, в том числе адмирала Кузнецова. В июне 1941 года он действовал так, как его обязывали действовать Устав и складывающаяся обстановка.

Позволю себе процитировать слова самого адмирала из его письма отцу от 8 ноября 1957 года: «По вопросу начала войны мне хотелось бы опровергнуть утверждения товарища Жукова, что нельзя было подготовить войска к обороне за несколько дней. Этому никто не мешал и, наоборот, в этом состоял его долг.

Флоты в течение предвоенного июня месяца постепенно перешли на соответствующие оперативные готовности, все военно-морские базы были затемнены и, когда накануне войны (около 9 часов вечера, 21 июня) меня вызвали к наркому обороны товарищу Тимошенко и он дал мне указание подготовиться к возможному нападению немцев, нам с начальником военно-морского штаба оказалось достаточным из кабинета Тимошенко позвонить по телефону на командный пункт ВМФ, приказать передать условный сигнал на флот, по которому все уже знали, что делать.

В результате, к 12.00 ночи (00 часов 00 минут, 22 июня 1941 года) я получил доклады с флотов о фактической боевой готовности. Налеты немецкой авиации на главные базы флота с задачей вывести из строя корабли оказались безуспешными. Выведенный из строя в первый момент флот уже не мог быть восстановлен во время войны».

Другими словами, адмирал Кузнецов обвиняет и обвинял раньше маршала Жукова в трусости, в неисполнении своего воинского долга, в том, что он не решился в предвоенные дни и недели, пусть и вопреки воле Сталина, привести военные округа в боевую готовность, а он, главнокомандующий Военно-морским флотом, пренебрег запретом и на рассвете 22 июня встретил врага во всеоружии, не потерял ни одного корабля.

Не разразись война, эта самодеятельность наверняка стоила бы ему головы, Кузнецов это понимал, но иначе поступить не мог. А Жуков, начальник Генерального штаба, знавший наверняка больше него, Кузнецова, не преодолел своего страха перед Сталиным, как считал адмирал, трусил. Такого обвинения не прощают. И Жуков Кузнецову не простил.

Через несколько дней после высокого собрания в Севастополе произошло несчастье. 28 октября линкор «Новороссийск» вернулся на базу встал на своем обычном месте. Часть команды отправилась в увольнение на берег, остальные занялись приборкой. Под утро 29 октября, в 2 часа 44 минуты, в районе носовых орудийных башен прогремел подводный взрыв. Предположительно, сдетонировала оставшаяся с войны и потревоженная якорем,

немецкая мина. Их вплоть до начала ХХІ века, вылавливали в сева­сто­польских бухтах. В образовавшуюся в корпусе корабля пробоину хлынула вода. Капитан попытался выбросить линкор на мель, но не успел, корабль перевернулся, унес в могилу почти половину экипажа. Как говорили тогда, погибло 608 человек, сейчас называются и другие, но схожие цифры: 599 и 611 погибших. Не знаю, какая из них вернее, но все они для мирного времени огромны.

Как водится в таких случаях, назначили комиссию для выяснения причин катастрофы и определения виновных. Отчего произошел взрыв, комиссия, как я уже говорил, не определила, ограничилась предположениями. Конкретных виновных тоже не назвали, все командиры действовали по уставу. По традиции в подобной ситуации за все отвечает старший воинский начальник, в нашем случае – главнокомандующий ВМФ адмирал Кузнецов. И неважно, что в момент взрыва он отдыхал в Кисловодске, а обязанности его исполнял заместитель, адмирал Горшков. По той же традиции главному следовало самому попросить об отставке, но адмирал Кузнецов такого прошения не подал.

6 ноября 1955 года на заседании Президиума ЦК обсуждали утвержденный Жуковым доклад правительственной комиссии и предложения Министерства обороны. Жуков предлагал отдать Кузнецова под суд Военного трибунала. Позиция – по-жуковски жесткая. Однако отец рассудил иначе, в своем выступлении он смягчил акценты: время сейчас не военное и, хотя «Кузнецов с Горшковым несут ответственность за случившееся, но и сам Жуков с другими маршалами тоже не сделали всего возможного». Отец предложил не устраивать суда над Кузнецовым, ограничиться его отставкой.

– С понижением в чине, – вставил свое слово присутствовавший на заседании, Жуков.

– С понижением, – согласился отец.

8 декабря 1955 года Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О гибели линейного корабля “Новороссийск” Черноморского флота» адмирала флота Н. Г. Кузнецова «За неудовлетворительное руководство Военно-морским флотом» сняли с должности первого заместителя министра обороны и главнокомандующего ВМФ.

Сам Кузнецов так описывал в письме отцу последовавшие за тем события: «15 февраля 1956 года меня вызвал министр обороны т. Жуков и в течение 5–7 минут в исключительно грубой форме объявил о решении понизить меня в воинском звании и уволить из армии без права на восстановление.

Министр обороны обвинил меня в низкой дисциплине на флоте и... якобы я «нагородил» много различных окладов сверхсрочникам».

В результате жестких решений по флоту, похоронивших честолюбивые мечты моряков держать флаг на всех морях и океанах, отец не просто поссорился с адмиралом Кузнецовым, он испортил отношения со всем флотским офицерским корпусом. Его первая размолвка с военными тогда не повлияла на политические позиции отца. Флот в России традиционно не имел особого веса. В будущем отцу придется умерять аппетиты военных еще не раз, в том числе и могущественных сухопутчиков. А это уже посерьезнее: маршалы у нас – не чета адмиралам.

Я не хочу и не могу представлять отношения отца с Жуковым в те годы в розово-идиллическом цвете. Во многом их позиции совпадали, а кое в чем весьма серьезно расходились. Это естественно, так как понимание национальных интересов страны с ведомственных позиций министра обороны и руководителя государства – совпадают не всегда, и не могут всегда совпадать.

Министр обороны в первую очередь озабочен укреплением обороноспособности страны через наращивание боевых возможностей Вооруженных сил. У главы государства может вырисовываться несколько иное понимание безопасности государства, на первый план выходит то дипломатия, то вообще жилье или сельское хозяйство. Все всегда упирается в ресурсы, в их разумное распределение. Если война неминуема, военные расходы обретают

безусловный приоритет, а если ее можно избежать, они становятся бременем, тормозящим развитие экономики.

Только один пример. Ознакомившись с делами в военном ведомстве, Жуков пришел в несвойственное ему уныние и на открывшемся 2 июля 1955 года Пленуме ЦК в открытую заявил, что состояние Вооруженных сил катастрофическое, разразись война сейчас, американцы передышат нас, как цыплят. Вывод напрашивался сам собой: чтобы выжить, необходимо немедленно сосредоточить ресурсы на производстве современных вооружения с тем, чтобы поскорее добиться, хоть какого-то паритета с американцами.

Отец рассудил иначе. Он пожурил Жукова: «Не следует пугать участников Пленума», но и отмахнуться от его слов он не имел права, маршал говорил правду. Перед отцом вставала почти неразрешимая задача: и страну противнику не сдать, и людей обути, одеть, накормить. Капиталовложения в оборону, считал он, увеличивать не следует, ресурсов и так в стране в обрез, надо их перераспределить, сделать целевыми, точечными.

В споре с адмиралом Кузнецовым у отца постепенно выкристаллизовалась концепция безопасности страны: если сбалансировать Вооруженные силы с НАТО нам не по карману, следует сконцентрироваться на главном. Так, на фронте при подготовке наступления, не размазывают войска вдоль линии соприкосновения с противником, а собирают их в кулак и наносят удар. Наша концепция безопасности должна отказаться от привычной симметричности, от паритета, стать асимметричной, обеспечивающей «необходимую достаточность» и не более того. Ресурсы следовало сконцентрировать на вооружениях, способных разрушить инфраструктуру не только европейских союзников США, но и самих американцев. Мы должны, считал отец, как можно скорее, обрести способность достать их за океаном, в собственной берлоге, показать им: нападете на нас – сами костей не соберете.

Отец предпочитал масло пушкам, но и о пушках не забывал. Однако их теперь предстояло превратить из дальнобойных «Больших Берт» в сверхдальнобойные, межконтинентальные с термоядерными зарядами.

Другими словами, требовалось найти надежные средства доставки разрушительных ядерных зарядов на территорию США. Остальные запросы военных можно и попридержать, исход ядерной войны решится не на полях танковых сражений и не в Мировом океане, а еще до того, как первый танк покинет свое укрытие, до того, как авианосцы успеют выйти в открытое море.

Постепенно, шаг за шагом, отец выстраивал свою концепцию безопасности страны. И далеко не всегда она совпадала с точкой зрения командующих родами войск. Они отвечали за вверенные им корабли, танки и самолеты, стремились занять их побольше и получше, чтобы в будущем столкновении с будущим противником одолеть его самолеты, танки, корабли, на суше, на море или в воздухе. Отцу же требовалось увязать противоречивые и часто взаимоисключающие запросы командующих воедино, а затем сбалансировать их аппетиты с возможностями экономики, встроить в государственные приоритеты.

Если в координации родов войск отец полагался на Жукова, то вторая часть задачи, наиболее сложная и ответственная, целиком ложилась на его плечи.

К тому времени в стране накопили двести ядерных зарядов, а вот со средствами доставки на межконтинентальную дальность пока ничего не получалось. Начав вникать в проблему, отец пригласил к себе конструкторов, в первую очередь, естественно, авиационных, «законодателей моды» в средствах доставки ядерного оружия на сверхдальние расстояния.

Туполева отец хорошо знал еще с довоенных времен, я писал об их первой встрече, с Ильюшиным и Артемом Микояном он познакомился недавно, а вот с Александром Сергеевичем Яковлевым и Владимиром Михайловичем Мясичевым ему еще только предстояло установить контакты.

Туполев обескуражил отца: «Америка слишком далеко. Создавая самолет, способный перелететь через океан, придется экономить на всем, и на бомбовой нагрузке, и на скорости, и на высотности. Такой стратегический, с позволения сказать, бомбардировщик американцы без труда сошьют. Если же сделать все как следует, то дальше Лондона или Мадрида на нем не долетишь». Туполев уже обсуждал эту проблему со Сталиным. Он и ему отказал в открытую, не побоялся, хотя и учен был жизнью, отсидел свое перед войной. А вот Владимир Михайлович Мясищев пообещал Сталину разрешить неразрешимую для Туполева проблему.

Теперь, после смерти Сталина, подводили итоги. Туполев сделал свой Ту-16, отличный стратегический бомбардировщик для европейского театра военных действий. Под нажимом сверху он запустил в работу и самолет межконтинентальной дальности. В 1955 году Туполев доложил отцу, что в воздух поднялся турбовинтовой бомбардировщик Ту-95, загляденье, а не машина: дальность – восемнадцать тысяч километров, можно слетать в Америку и обратно и еще горячее останется, и скорость у него фантастическая для такого типа двигателей, более девятисот километров в час. Однако сам Андрей Николаевич и приговорил свой самолет: при таких параметрах, как он и предупреждал ранее, к целям на территории США ему не прорваться.

Мясищев тоже сделал бомбардировщик, реактивный красавец М-4 (ЗМ). До Америки он долетал, но только в одну сторону, на дорогу обратно, Туполев и тут оказался прав, керосина не оставалось. Тогда Мясищев убедил генералов из ВВС: «Отбомбившись на территории США, М-4 должен приземляться в Мексике, интернировать». Если мексиканцы его, конечно, примут, не сошьют. Но ничего другого Мясищеву в голову не приходило.

При встрече с отцом Мясищев заговорил о возможности дозаправки М-4 в воздухе, над океаном, но отцу его слова показались делом весьма отдаленного будущего. Да и говорил конструктор о дозаправке без уверенности, как бы в собственное оправдание. Оправдываться ему было в чем, ЗМ, столь эффективно глядевший на земле, не только не получился межконтинентальным, но и вообще летал кое-как, отказ следовал за отказом. Оно и понятно, Мясищев, по своей природе сверхноватор, перенасытил самолет всяческими, еще не отработанными и не испытанными новинками: двигателями, насосами, бустерами, электромоторами, приборами. Доведение до ума каждого из них в отдельности требовало и труда, и времени. Собранные вместе, они напоминали несыгранный оркестр, то один сфальшивит, то другой, то третий. В такой какофонии дирижеру – главному конструктору – никак не удавалось овладеть ситуацией: только отыщется виновник сегодняшнего несчастья, как завтра возникает другая проблема в совсем ином месте. И так без конца.

В М-4 Мясищев нарушил золотое правило проектирования: в новой машине, самолете или ракете нельзя допускать избыточно много новинок, по крайней мере, половина компонентов должна быть отработана раньше, на других машинах. Иначе испытания затянутся до «морковкиного заговения». Не зря во время войны, когда время доведения самолета до боевых кондиций определяло все, действовал приказ по авиационной промышленности, запрещавший ставить новые моторы на новые самолеты, а только новый мотор – на уже испытанный самолет, а новый самолет – оснащать уже испытанным мотором. Мясищев же увлекся и вот теперь маялся с отказами, и маяться ему с ними предстояло еще очень долго.

В добавку ко всем прочим неприятностям, чтобы хотя бы долететь до Америки, Мясищев самолет перетяжелил, взлетал М-4 на предельном угле атаки. Это очень опасно, стоило ошибиться летчику на градус-полтора, чуть перетянуть на себя ручку, и самолет валился на крыло, а земля – она тут, под самым крылом. Сколько самолетов побилось! Сколько летчиков потеряли! И каких! В результате М-4 так и не удалось преодолеть все предусмотренные законом испытания. Военные его на вооружение официально не приняли, но на безрыбье и рак рыба, и недоработанный самолет запустили в производство, в порядке исключения

допустили до боевой эксплуатации. Летавшие на нем теперь уже строевые летчики продолжали гибнуть.

Отец на деле убедился в правоте Туполева: ни его собственный Ту-95, ни мясищевский М-4 проблемы ответного удара по США не разрешат. Требовалось искать иной выход из положения. Но какой? И где? Министр оборонной промышленности Дмитрий Федорович Устинов и председатель Ракетного спецкомитета Василий Михайлович Рябиков докладывали отцу, что разрешить неразрешимую проблему сможет межконтинентальная баллистическая ракета. Еще в феврале 1953 года они выдали задание на ее разработку и присвоили ей индекс Р-7. Конструктор Сергей Павлович Королев, его КБ расположено в подмосковных Подлипках, уже приступил к проектированию. Ракета должна дострелить трехмегатонный термоядерный заряд в любую точку Америки, и никакая ПВО ей не помешают. Вот только существующие полигоны для испытаний Р-7 не годились. 12 февраля 1955 года отец с Булганиным подписали Постановление ЦК КПСС и СМ СССР о сооружении нового полигона в устье реки Сыр-Дарьи, рядом с железнодорожной станцией Тюратам.

Отец решил сам съездить к Королеву, посмотреть на его ракету своими глазами, но пока Р-7 – это журавль в небе. Единственная летающая ракета у Королева – Р-5 с дальностью 1200 километров, и заряд у нее не термоядерный, атомный, мощностью всего в 70 килотонн. Да и его только собирались испытать.